

**ТЕРРИТОРИЯ
БЕЗ ВОЗВРАТА**

НЕ#МОЙ МИР

**АЛЬБИНА
НУРИ**

Альбина Нури

Территория без возврата

Серия «Не мой мир», книга 2

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43645850

Аннотация

Алексу чудом удалось выжить и вырваться из Пространственной Зоны – параллельного мира, населенного жуткими Обитателями. Но и в реальности, где он оказался, все складывается совсем не так, как он надеялся. Алекс снова стоит перед выбором: научиться жить в мире, где ему больше нет места, или вернуться в свой самый страшный кошмар, чтобы попытаться все изменить? «Не#мой мир» вновь испытает героя на прочность – удастся ли ему выстоять на этот раз?

Содержание

Часть первая. Возвращение	4
Глава первая. Побег из библиотеки	4
Глава вторая. О чем рассказала художник Галина	14
Глава третья. Чужой среди своих	24
Глава четвертая. Тайное и явное	34
Глава пятая. Письмо за океан	44
Глава шестая. Американский гражданин	55
Глава седьмая. Временные парадоксы	65
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Альбина Нури

Территория без возврата

Часть первая. Возвращение

Глава первая. Побег из библиотеки

Запах. Вот первое, что он почувствовал, когда оказался внутри...

Или снаружи?

Обитая в Пространственной Зоне, Алекс успел отвыкнуть от того, что запахи могут быть такими сильными, как отвык уже и от вкуса настоящей еды. Во всем, что находилось в Зоне, был оттенок чего-то искусственного, рукотворного. Умело нарисованные картинки, точные копии реальной жизни были слишком глянцевыми и правильными, чтобы в них верить. Хотя Алекс все равно верил, конечно – а иначе как выживать?

Лишь одна из встреченных им проекций не производила такого впечатления. Макромир, разлучивший Алекса с Кайрой, был иным, подлинным. Был ли он вообще проекцией, вот в чем вопрос. Может быть, им не повезло очутиться в одном из уголков «открытой» Пространственной Зоны – уви-

деть краем глаза крошечный кусочек того, что когда-то открылось доктору Саймону Тайлеру?

Но если не считать макромира, чем «старше» была проекция, тем меньше она становилась похожа на земную жизнь: цвета таяли, звуки гасли, ароматы выветривались. Выцветающий мир становился все более слабым, зыбким, приглушенным, пока...

Что происходило потом, когда проекции окончательно умирали, Алекс так и не понял до конца. В старых проекциях он долго не задерживался, а из увиденных пару раз погибающих локаций, слава Богу, удавалось унести ноги. Кайра называла их «мертвыми», но были ли они такими в привычном смысле?

Алекс отмахнулся от воспоминаний и бесконечных вопросов, наслаждаясь реальностью. Стоя с рюкзаком на плечах в одном из залов Фонда Научной университетской библиотеки, среди стеллажей, от пола до потолка заполненных книжными томами, он жадно вдыхал полной грудью любимые библиотечные запахи. Пахло старыми книгами, деревом и лаком, бумажной пылью, еще чем-то неуловимо знакомым, таким, от чего замирало сердце.

– Я вырвался, – прошептал Алекс, как будто это было заклинание. – Пространственная Зона меня отпустила.

В кадке рядом с ним весело зеленел фикус. Овальные крупные листья упруго покачивались на теплом ветерке: окно было приоткрыто, и снаружи доносились звуки улицы.

Обрывки разговоров, вспыхивающий и затухающий вдалеке смех, шорох шин по асфальту, нетерпеливые автомобильные гудки – Алекс всей кожей, каждой клеткой впитывал то, что прежде, давным-давно находил совершенно обычным, естественным.

Внутри, в помещении тоже были люди: в отдалении слышались приглушенные женские голоса – сотрудницы библиотеки негромко переговаривались между собой.

Пора было выходить отсюда, идти дальше. Алекс не хотел думать, что вернулся в мир, где никто не дождался его: вопреки всему он верил, что мама и папа живы и здоровы, а Вета, несмотря ни на что, любит Алекса и верит в его возвращение. Эти мысли были его талисманом.

Он осторожно двинулся по узкому проходу между стеллажей в сторону выхода, туда, откуда доносились голоса. Хотелось бы остаться никем не замеченным, выбраться отсюда потихоньку и...

– Молодой человек! Вы как сюда попали? – возмутилась светловолосая невысокая женщина, тощая и бледная, словно цветок, засушенный между страниц одного из фолиантов.

Алекс оказался в небольшом закутке, где стояли два письменных стола, придвинутых друг к другу, а на них – чайник, чашки, коробочки с сахаром, упаковки печенья. Очевидно, это была чайная комната, где обедали и отдыхали уставшие от книжной премудрости сотрудницы.

Две немолодые женщины смотрели на него во все глаза,

приоткрыв рты – не могли понять, откуда он взялся. Алекс привычно обшарил помещение глазами, отыскивая возможную опасность и пути к отступлению. К счастью, за спинами библиотекарей была дверь. Оставалось пройти мимо оторопевших женщин.

– Извините, – как можно миролюбивее произнес Алекс и двинулся вперед. – Я уже ухожу.

– Как вы там очутились? В окно, что ли влезли? – подала голос вторая библиотекарь, крашенная шатенка в огромных очках, делающих ее похожей на стрекозу. – Вы вор?

«Ага, будь я вором, так и сказал бы».

– Что это у вас в рюкзаке?

– Уверяю вас, я ничего не крал, – церемонно ответил Алекс, продвигаясь к двери. – Я оказался в Фонде случайно.

Продолжая болтать, он добрался до цели, взялся за ручку и, не давая дамам опомниться, выбрался в коридор.

– Полицию нужно вызвать! – услышал он.

– Безобразие! Звоните в охрану!

Дальнейшего диалога он не услышал, чуть не бегом двигаясь по коридору. Если библиотекари позвонят в охрану, могут возникнуть проблемы. Он хорошо знал, куда идти: бывал здесь не раз, сохраняя привязанность к бумажным книгам. Здесь все было немного не так, как он помнил, но, возможно, какие-то детали он просто позабыл.

«К тому же неизвестно, в каком времени ты оказался, какой сейчас год!» – напомнил себе Алекс.

Не надо пока думать и гадать. Коридор, поворот, еще один, еще.

Алекс выбрался на лестницу и поспешил вниз. Навстречу ему попадались люди, но попыток задержать юношу с рюкзаком никто не предпринимал. Он рассекал пространство, как океанский лайнер – волну, и наконец очутился в вестибюле, замедлив шаг. Полиции не было, возле дежурного библиотекаря выстроилась очередь желающих попасть в храм книги.

Охранник, полный пожилой мужчина с необычайно пышной шевелюрой, хмурясь, говорил по телефону. Не исключено, что одна из напуганных Алексом библиотекарей все же пожаловалась на вторжение.

Что ж, коли так, придется поспешить. После жутких встреч и кровавых столкновений с всевозможными тварями в Пространственной Зоне кудрявый толстячок-охранник не казался сколько-нибудь значимым препятствием, однако скандала и преследования лучше бы избежать.

Стараясь не глядеть по сторонам, Алекс двинулся к выходу стремительной походкой человека, который точно знает, куда и зачем направляется, и имеет полное право здесь находиться.

Проходя мимо огромного зеркала, он ужаснулся. В Зоне ему практически не было дела до того, как он выглядит – Алекс был занят тем, чтобы выжить, прокормиться, не получить травму. Совсем как первобытный человек.

Одежда на нем постепенно приходила в негодность, а

взять новую он не мог: из одной проекции в другую нельзя вынести ничего, с собой у них с Кайрой всегда было лишь то, что с чем они когда-то вошли в Зону.

Поэтому сейчас на Алексе были порванные в нескольких местах джинсы, разбитые кроссовки и водолазка. Когда-то у нее были длинные рукава, но он отрезал их по самые плечи.

Впрочем, студенты часто одеваются экстравагантно и странно, так что белой вороной себя можно не чувствовать.

А вот и турникет с красными крестиками – выход закрыт. – Молодой человек! – раздался окрик.

Не оборачиваясь, Алекс легко перемахнул через преграждающие путь конструкции из металлических труб и побежал к выходу.

В спину ему кричали, но он не слушал и не останавливался. Стекланные двери послушно расползлись в стороны, и Алекс выскочил на широкое высокое крыльцо. Не задерживаясь, скатился по ступенькам и помчался прочь.

Он бежал и думал, как удивительно, как непривычно: никаких Порталов, никаких бесконечно сменяющих друг друга проекций... Мог ли он поверить, что у него в итоге получится? Что он выберется в свой, родной мир из того – чуждого, опасного, отвечающего ледяным безмолвием на самые страстные призывы и самые жгучие проклятья.

«Обошлось», – думал Алекс, понимая, что преодолел самое малое из возможных препятствий. Шаг он замедлил, оказавшись далеко от библиотеки, за пределами студенче-

ского городка. Неподалеку был большой сквер, где часто собирались студенческие компании и постоянно бывал сам Алекс. Ноги сами несли его в ту сторону.

Была весна или начало лета. Листва на деревьях еще не утратила свежего изумрудного оттенка, не успела поблекнуть, подернувшись пылью. Цветы на клумбах еще не расцвели, а трава была молоденькая, едва пробившаяся на свет божий.

«Что ж, со временем года определились, узнать бы, какой год!»

Но как? Не будешь же спрашивать у прохожих. Идеально было бы купить газету, но денег-то нет. Немного успокоившись, стараясь унять волнение, которое пока не покидало его, Алекс пригляделся повнимательнее к тому, что его окружало.

Сквер, где он сидел, выглядел вполне узнаваемо. Если изменения и были, то не радикальные. Будь на его месте женщина, наверное, поняла бы, в каком времени оказалась: по фасонам одежды, по женским прическам и макияжу. Но ему было сложно сориентироваться. Кажется, когда он исчез в Пространственной Зоне, девушки красились и одевались примерно так же... Или нет?

«Ну ты и дурак, газету не обязательно покупать! Просто подойди к киоску и полистай!»

Устыдившей собственной несообразительности, Алекс встал со скамьи и пошел к выходу из парка. Там, возле оста-

новки, должен быть небольшой магазинчик, где продавали всякую чепуху вроде чипсов и газировки, стояли автоматы с кофе и шоколадками, а также торговали газетами и журналами.

Магазинчика не было, но был киоск с надписью «Пресса». Просто так не полистаешь, придется попросить киоскера посмотреть, мелькнуло в голове, но, подойдя ближе, Алекс увидел, что витрина пестрит от выложенных на ней изданий.

Что-то удивило его – и почти тотчас он сообразил, *что* кажется ему странным: все заголовки были написаны кириллическим шрифтом. В его время в России пользовались двумя алфавитами – кириллицей и латиницей. Причем латиница была распространена гораздо шире.

Не глядя на сладко улыбающиеся лица кинозвёзд, не думая, знакомы они ему или нет, Алекс отыскивал глазами даты выпусков.

А когда отыскал, так и застыл, оперевшись взглядом в буквы и цифры.

«Жаркий май-2020», – кричал один журнал, помещая дату в кричащую красную кляксу.

«14. 05. 2020», – сухо констатировал другой.

Алекс лихорадочно производил в уме подсчеты, путаясь в цифрах.

– Почти двадцать лет назад, – пробормотал он, отняв ту дату, что видел перед собой, от 2040 – года, когда он вместе одноклассниками отмечал праздник в проекции Маль-

дивского острова-резорта Бару.

– Вы стоите? – раздраженно проскрипели за спиной.

Алекс оглянулся и увидел старичка в джинсовой панаме, который глядел на него, сердито сверкая выцветшими голубыми глазами. Кустистые брови придавали старичку забавный вид, но Алексу было не до смеха.

– Простите, – тихо сказал он и отошел в сторону.

Старик сунулся в окошко. Алекс не слышал и не видел ничего вокруг. Солнечный весенний день, люди, машины, здания – все отодвинулось куда-то, притихло, замерло.

«Здесь, в этой реальности, мне едва исполнился год», – думал он.

Алекс родился восьмого февраля 2019-го.

Получается, сейчас, здесь, в том времени, куда Портал вывел Алекса, у его родителей годовалый сынишка. Он сам, крошечный, лежит в колыбели, и Вета, благодаря преданности и любви которой он выбрался из Пространственной Зоны, тоже только учится ходить и говорить.

«Главное, что все они живы!» – возрадовалось сердце.

«Но как я могу прийти к родителям? Я ведь никто для них, чужой человек», – спустил его с небес на землю прагматичный разум.

Алекс никак не мог справиться с эмоциями, решить, что ему делать, как вести себя в новом, незнакомом для него мире, где пока еще не придуманы Проекции, не открываются Порталы, и Корпорация не продает всем желающим Комна-

ты для выхода в мир своих иллюзий.

Нет проекций, проекторов, Порталов...

Когда эта мысль угнездилась у Алекса в голове, когда он понял, что никто, ни один из живущих здесь и спешащих по своим делам людей ни разу не был, да и не мог побывать в том аду, из которого он с таким трудом и потерями выбрался, Алекс подумал, что этот мир гораздо чище, наивнее, добрее.

А следом пришла и другая мысль. Если здесь, в этой реальности, еще не понятия не имеют о выходе в Пространственную Зону, то как он сможет найти Кайру?..

Глава вторая. О чем рассказала художник Галина

Без билета в автобусе не прокатишься. В метро – тем более, туда вообще не попадешь. Какая, вроде бы, мелочь, какая незначительная, пустяковая преграда, особенно в сравнении с тем, что ему довелось пережить! И, тем не менее, Алекс был вынужден пойти пешком.

Два раза он все же садился в троллейбус, и ему удавалось проехать одну – две остановки, но потом суровый кондуктор высаживал безбилетника. Можно было бы поумолять, поупираться, но Алекс не мог себя заставить и покорно вылезал на ближайшей остановке.

Заплатить за него желающих не находилось: возмущенные добропорядочные граждане брезгливо отворачивались от здорового лба в лохмотьях, который не мог наскрести денег на поездку.

Хорошо, хоть Алекс вовремя вспомнил, что прежде, когда был маленьким, они с родителями жили совсем в другом районе города. А не то отправился бы в противоположный конец географии, а потом пришлось бы возвращаться.

Город, конечно, изменился... вернее, он был не совсем таким, как помнил Алекс. Не было некоторых зданий в центре, к которым он привык, вместо них стояли другие, непривычные.

Незыблемо, вроде, стояли, а все же через несколько лет их снесут.

Отсутствовал огромный музыкальный фонтан, что красовался на набережной. Остановочные площадки были другими. Автобусы, троллейбусы казались старомодными, немного чудными, а вот автомобили были примерно те же. А может, Алекс просто не замечал, потому что не слишком хорошо разбирался в марках и моделях.

Одежда на людях казалась ему несколько более вычурной – в его время люди одевались проще, функциональнее. Пожалуй, не так нарядно, но зато практично и удобно. Впрочем, различия были не так уж существенны.

А вот что удивляло, так это большое количество откровенно немолодых, пожилых, не слишком красивых женщин и прохожих в очках.

Алекс привык, что все, кому это требовалось, переходили на линзы или делали простейшие безопасные операции по улучшению зрения, так что не было нужды водружать на нос неудобную конструкцию.

К тому же люди скрывали возраст и выравнивали неудачную внешность с помощью пластических операций, которые стали привычным делом. Пластические хирурги были столь же востребованы, как стоматологи, а услуги их – доступны, так что женщинам (чаще все-таки под нож ложились именно они, поскольку в мужчинах жило вековое неистребимое убеждение, что они и так хороши!) не было нужды мучиться

от сознания собственного несовершенства.

Он вдруг вспомнил, что профессор Ковачевич носила очки – вроде бы, в знак протеста, ратуя за естественность, не желая постоянно использовать современные технологии омоложения и оздоровления. Но такая позиция была исключением из правил. Теана Ковачевич – особый случай.

Когда Алекс добрался до улицы, где стоял его дом, день клонился к вечеру. Это был спальный район, и народ массово возвращался с работы. Машины истерично гудели, металлические утробы автобусов были переполнены так, что едва не трескались по швам. Пестрые разнокалиберные толпы текли по улицам; люди спешили, не желая терять ни минуты драгоценного вечернего отдыха, деловито рассортировывались по подъездам и магазинам.

Алексу некуда было спешить, но он все равно поддался общему ежевечернему ажиотажу – и на какой-то момент ему стало казаться, что его тоже ждут, что ему есть, к кому прийти, рассказать, как прошел день.

Всю дорогу он думал, как станет вести себя с родителями. Что можно сказать им? Как объяснить, что и он, Алекс, – взрослый, черт-те как одетый парень с настороженным взглядом и ранами по всему телу, тоже их сын! Точно так же, как и годовалый Сашура, как бабушка звала его, когда был маленьким.

Папа, возможно, выслушает и постарается поверить. Он ведь всегда верил в науку, технический прогресс, неизведан-

ные безграничные возможности и все такое.

Мама куда более консервативна. Она материалистка, практик, а не теоретик, для нее во всем важны логические построения. Но какая может быть логика, когда здоровенный верзила сваливается, как снег на голову и заявляет, что он – твой сын из будущего!

Алекс понятия не имел, как выстроить разговор с родными, с чего начать, и, чем ближе подходил к дому, тем сильнее нервничал. Очутившись возле подъезда, он не стал заходить, отошел в глубину двора, присел на скамью, чтобы собраться с мыслями.

То, как выглядел двор, помнилось смутно, хотя убранство квартиры он представлял более-менее ясно. Березы и липы, высаженные вдоль тротуаров, лавочки, горка и качели, цветы в автомобильных шинах, выкрашенных в голубой и красный цвета – кажется, все так и было.

Алекс поднял взгляд на застекленный балкон и окна на восьмом этаже блочной девятиэтажки. Там, в тесной однокомнатной квартирке они с мамой и папой жили много лет, пока не переехали в новую просторную. Алекс, маленький и несмышленный, глядел по утрам в окошко, выходил вот из этого подъезда, чтобы мама или папа за ручку отвели его в садик или в начальную школу.

Детский сад был близко, в соседнем дворе, и это всегда одновременно успокаивало (дом же рядом!), но вместе с тем наполняло душу горечью и тоской (ну ведь рядом же, ря-

дом – а не попадешь!). В школу нужно было идти подольше, минут десять пешком.

«Где-то тут и Вета живет», – подумал Алекс.

В своем послании она писала, что жила по соседству, ходила с ним в один детский сад и школу. Этого Алекс не то, что не помнил, даже вообразить себе не мог.

Ему захотелось увидеть Вету, заглянуть в ее огромные задумчивые глаза, прочесть в них нежность и понимание. Поблагодарить за все, что она сделала для него самого и его родителей. Хотя никаких слов, конечно, не хватит... Рассказать обо всем, о том, как тяжело ему пришлось, зная, что она поймет. Вета всегда понимала и поддерживала, вот только он ничего этого не видел. Почему по-настоящему достойные любви люди так часто оказываются незамеченными, отвергнутыми?

Сейчас искать Вету бесполезно.

Алекс повозил ногами по земле. Мелкие камушки хрустко зашуршали под подошвами кроссовок. На лавку рядом с ним уселась пожилая женщина. Алекс повернул голову и, к своему удивлению, узнал ее. Короткие седые волосы убраны за уши, все пальцы – в тяжелых кольцах с камнями, в углу рта сигарета. Кажется, она художница. Имя на языке вертится, но не дается, а вот то, что она жила на первом этаже и выгуливала утром и вечером шоколадно-коричневую таксу Зулю, вспомнилось сразу.

Да вот и собака – носится, принюхиваясь к земле. Счаст-

ливая – ни забот, ни проблем. Покружив по двору, Зуля подбежала к скамейке и принялась обнюхивать Алекса.

– Не бойтесь, она добрая, не укусит, – сказала хозяйка.

Алекс протянул руку, почесал таксу между ушей.

– Зуля, Зуля, хорошая, – проговорил он, не успев сообразить, что не может знать клички собаки.

Хозяйка немедленно напряглась и подозрительно воззрилась на Алекса.

– Откуда вы знаете, как ее зовут?

«Окликнула она сейчас собаку или нет? Что сказать?» – подумал Алекс, и тут ему в голову пришло решение.

– Видел вашу красавицу, – он старался говорить неприужденно и спокойно, продолжая гладить собаку. – Бывал уже здесь, в гости приезжал к соседям вашим, с восьмого этажа. К Куцевским, Елене и Вадиму.

Сказал – и замер. Что, если она скажет, что нет тут таких, что никакие Куцевские в их доме отродясь не...

– Ах, конечно! – Хозяйка таксы сразу расслабилась и заулыбалась. – У меня Зуля приметная. Любите собак?

Алекс с облегчением перевел дух и вполне искренне ответил, что любит.

– Опять навестить решил? А их, поди, дома нет? – Собаковладелица все сама за него сказала, даже врать не пришлось, знай только кивай.

– Я, кстати, Галина. Художник. – «Да, точно! Так она всегда всем и представлялась!» – А тебя как звать?

– Алекс, – не задумываясь, ответил он. – Вадим, наверное, на работе? А Лена с ребенком ушла куда-то?

Улыбка стекла с лица Галины, и оно вытянулось, а глаза округлились.

«Что не так?»

– Ты им кто, парень?

– Родственник. Дальний. – Прозвучало глупо, но Алекс, к счастью, вспомнил, что у мамы есть в Белоруси троюродная сестра, с которой они практически не общались, и договорил: – У Елены в Минске сестра троюродная, я ее сын.

«Вроде нормально получилось: седьмая вода на киселе, не проверишь, но и не подкопаешься».

Художник Галина, поразмыслив, кивнула.

– Не знаешь ничего, что ли? Не сказали тебе?

– Я вообще-то проездом. Так, проведать заскочил, он меня не ждут.

По уму, так объясняться не следовало бы. Любые оправдания всегда звучат подозрительно, однако Галина приняла все, как должное.

– Ясно. – Она подозвала к себе Зулю, которая уже успела усвистать за детскую площадку. – Сынишка-то их, Сашенька...

– Что? – не сдержался Алекс.

– Умер, – Галина поджала губы, похоже, в неподдельной скорби. – Такое несчастье. А мальчик какой был! Красивый, улыбчивый. Сидел сам, вставать уже научился и даже агукал

слова какие-то.

– Когда? – помертвевшими губами выговорил Алекс.

– Полгода уже скоро. В новогоднюю ночь, представляешь?

Новогодняя ночь. Как раз тогда, когда Алекс не вернулся из Пространственной Зоны. В этой версии бытия все произошло точно так же. Только он даже вырасти не успел. «Видимо, мне не суждено...», – начал было Алекс, но оборвал свою мысль.

– Как? Как это случилось?

– Мы все поверить не могли, – не слушая его, говорила Галина. – Люди празднуют, «скорая» не сразу приехала. Да если бы и сразу... Синдром внезапной младенческой смерти, так говорят. Бывает это у детей. Ему годика не исполнилось, бедняжке. В феврале должно было.

– Восьмого.

– Наверное. Точную дату не помню, знаю, что в феврале. У меня самой внук февральский.

Алекс сидел, уставившись в одну точку, придавленный этой новостью.

– Ты меня прости, – повинулась Галина, увидев, какое впечатление произвели ее слова. – Вывалила на тебя такое, а ты и не знал.

Сил хватило лишь пожать плечами.

– Да, видишь, как бывает... – Галина вздохнула и прицепила поводок к собачьему ошейнику. Прогулка, видимо, подошла к концу. – Лену-то ждать бесполезно.

– Это еще почему? – вскинул голову Алекс.

«Неужели?! О, Господи, мама!»

– Разъехались они. Лена у родителей живет.

– Развелись?

«Да что же это! Мама с папой... не может быть!»

– Нет, просто, как она сказала, поставили отношения на паузу. Я как раз гуляла с Зулей, смотрю, она с сумками. Я спросила, она и ответила. Может, сойдутся еще. Молодые ведь. И детей родят.

Галина уже ушла, волоча за собой жизнерадостно брыкающуюся Зулю, а Алекс все сидел, не мог собрать мысли в кучу. Не помнил толком, как попрощался с соседкой. Не знал, как поступить, что делать с той информацией, которой снабдила его словоохотливая Галина.

«Надо бы на кладбище сходить. Посмотреть на собственную могилу».

Между тем город понемногу затягивали сумерки. Часов у Алекса не имелось, но, наверное, было около восьми. В окнах зажигался свет, детская площадка пустела – малышей звали домой ужинать. Становилось свежо, и, хотя холода Алекс еще не чувствовал, было понятно, что ночью он замерзнет в своей драной водолазке.

Нужно где-то переночевать, отдохнуть. Да и поесть не мешало было. Пусть горе, пусть потрясение – организм все равно свое требует. Гнусное дело, если подумать, но физиологию не обманешь.

Хлопнула дверца машины. Какой-то еще жилец приехал, припарковался.

Алекс поднял голову и увидел, что по двору размашистым шагом идет человек. Высокий, худощавый черноволосый молодой мужчина не старше тридцати лет, в темных джинсах и светлой рубашке. Мужчина слегка сутулился и...

«Сынок, держи спину прямо! А то будешь крючок крючком, как я!» – раздался в голове голос отцовский голос.

Сердце, кажется, перестало биться. Алекс во все глаза смотрел на человека, который, тем временем, быстро набрал код домофона и скрылся в подъезде прежде, чем Алекс успел окликнуть его.

И хорошо, что не успел. Что бы крикнул? «Папа»?

Нет, нужно обдумать все, решить, что сказать. Впрочем, Алекс знал, кем представится – другого выхода нет.

В знакомых окнах восьмого этажа зажегся оранжевый свет.

Глава третья. Чужой среди своих

Ему опять не спалось, уже вторую ночь. Не давали покоя тяжелые, горестные мысли. Алекс лежал на кресле-кровати, зажатый с двух сторон твердыми, как валуны, подлокотниками, и смотрел в потолок. Проезжающие по ночным дорогам автомобили изредка освещали его короткими всполохами, а потом комната вновь погружалась во тьму.

Можно было встать, сходить на кухню, выпить воды, но он знал, что у Вадима (он постоянно старался не сбиться, не назвать его отцом) чуткий сон. Не хотелось его беспокоить.

Алекс жил здесь, в своей старой квартире, уже десять дней. И чем дальше, тем сильнее запутывался, мучаясь от сознания невозможности, неправильности происходящего.

Вадим не подозревал, кто он такой на самом деле, и искренне старался помочь дальнему родственнику жены, который приехал из Минска. Именно так представился ему Алекс, рассудив, что, поскольку с мамой они пока вместе не живут и не общаются, то и вывести его на чистую воду некому. Да и потом, мама не знала толком своих белорусских родственников. Так что риска, пожалуй, никакого.

– Вы к кому? – спросил его отец в тот, первый вечер, открыв дверь незнакомому парню.

У Алекса ком стоял в горле – так хотелось броситься к отцу, обнять, выговориться, попросить совета. Вместо этого он

сглотнул и сдавленно проговорил:

– Здравствуйте. Простите, мне бы Лену. А вы, наверное, Вадим?

– Наверное, – отозвался отец. – А Лена вам зачем?

– Я ее... – волнение все еще мешало нормально говорить, но в той ситуации это выглядело даже естественно. – У нее есть троюродная сестра в Минске. Старшая. Я ее сын. Вот, приехал... – Алекс беспомощно умолк.

Они стояли и смотрели друга на друга. У отца была непривычная прическа – обычно он стригся намного короче. Морщинок возле глаз еще не было, линия рта и скул была четче, но взгляд – внимательный, немного грустный, был все тот же. Так и кажется, что папа спросит: «Как дела, сын? Ты что-то невеселый сегодня».

Алекс, боясь, что собственный взгляд может выдать его, опустил глаза.

– Ясно. Проходи. – Отец посторонился. – Тебя как зовут-то?

– Алекс.

Он вошел в тесную прихожую. От знакомого, неуловимого, но родного запаха перехватило горло, и он с ужасом понял, что может расплакаться.

Отец запер за ним дверь.

– Где твои вещи? Ты что, с этим несерьезным рюкзачком из Минска приехал?

– Обокрали, – выдал Алекс очередную заранее заготов-

ленную ложь. — Был чемодан, на вокзале увели. Там и одежда, деньги, и документы... все.

— Мать честная, — присвистнул отец. — Так надо в полицию!

— Я написал заявление, — каждая следующая ложь давалась проще предыдущей. — Они ищут. Извините, что я вот так ворвался. Но мне ночевать негде, а мать говорила...

— Да ты что! Извиняться еще вздумал. Такое дело! — Он знакомым жестом почесал переносицу. — Зачем тогда родственники нужны?

Алекс разулся, постаравшись задвинуть разваливающиеся кроссовки под полку, подальше с глаз. Если отец и заметил этот неловкий жест, то виду не подал.

— А где Лена? — спросил Алекс. Ему показалось, что он должен задать этот вопрос. А вот спрашивать ли про сына, еще не решил.

Рука отца снова потянулась к переносице.

— Она... в отъезде. Временно, — с показной легкостью, сразу выдавшей, как тяжело у него на душе, проговорил он и поспешно прибавил: — Но скоро вернется. А пока придется нам с тобой похозяйничать.

Так Алекс и остался в доме. Проник, как тайный агент, воспользовавшись доверчивостью и добротой отца. «Вадима! Называй его Вадимом даже про себя, болван! А то точно проговоришься!»

Вадим дал Алексу свою футболку, белье и джинсы («Ннадо

же, у нас с тобой и рост один, и размер почти тот же!»), отправил в душ, приготовил ужин, постелил в кресле. На следующий день он ушел на работу, а Алекс весь день провалялся в квартире, наслаждаясь покоем и уютом, разглядывая фотографии и все еще не веря, что и вправду оказался дома.

Только вот это больше был не его дом.

Вечером второго дня они с Вадимом сидели в кухне, ужинали и пили коньяк. Нужно было как следуют познакомиться, поговорить.

– Знаю, никогда тебя раньше не встречал, но не могу отделаться от ощущения, что лицо твое мне знакомо, – сказал Вадим, разливая золотистую жидкость по бокалам.

«Ох, пап!»

Алексу стоило немалых трудов пожать плечами и равнодушно проговорить:

– Мы же с Леной все-таки родственники. Пусть и дальние.

– Да, точно. Генетика – дело тонкое. А сколько тебе лет? – спросил Вадим. – Вроде и молодой совсем, но... Не знаю, как объяснить. Взгляд у тебя... умудренный, что ли.

– Двадцать один.

– А мне двадцать восемь. Ты учиться приехал?

– Я учился в Минске. Два с половиной года. Решил перерыв сделать. Поработать, осмотреться.

– А на кого учился?

– Факультет Гуманитарных и общественных наук. Специализацию еще не выбрал.

Вадим удивленно вскинул брови.

– Надо же. Это у вас в Минске система образования такая? Название факультета очень, как бы это сказать, обобщённо звучит. И то, что специальность выбирать нужно не сразу – необычно.

Алекс немного растерялся – он не знал, что может быть и по-другому. В его время учились именно так. Боясь ляпнуть что-то не то, он поспешил сменить тему.

– А ты и Лена – вы чем занимаетесь?

– Лена экономист. А я работал на предприятии... Но это неважно, потому что сейчас мы с другом и коллегой открыли свой небольшой бизнес. Офис на днях сняли, там ремонт теперь нужно делать.

– Что за бизнес?

– Установка аппаратов по продаже разной мелочевки в торговых центрах. Не знаю, пойдет или нет.

– Пойдет, – уверенно ответил Алекс и прикусил язык. – То есть я надеюсь, что все получится.

– Спасибо, – усмехнулся Вадим.

От коньяка в голове приятно зашумело. «Смотри только не размякни и не наболтай ерунды!», – велел себе Алекс.

Вадим говорил что-то о перспективах нового бизнеса, Алекс слушал, кивал. Он знал, что бизнес отца просуществует почти десять лет, а потом они с партнером продадут его из-за разногласий. Чтобы совсем не разругаться в пух и прах. Выгодно продадут. А дальше отец будет работать примерно

в той же сфере: в крупной корпорации, которая обеспечивает людей, в основном школьников и студентов, горячим питанием с помощью автоматов.

«Почему бы не подкинуть эту идею сейчас? Тут, похоже, еще до этого не додумались», – возникла в затуманенном мозгу светлая мысль.

– Автоматы – дело вообще перспективное, – сообщил Алекс. – Можно ведь и на рынке школьного питания что-то придумать. Например, разработать машину, которая будет выдавать свежую горячую еду. Вставил школьник или студент свою карточку, набрал идентификационный код – и через секунду получил горячее блюдо. Никаких очередей на раздаче. Гигиена, порядок. Красота!

– Слушай, прямо фантастика какая-то. Как в кино, – улыбнулся Вадим. Видимо, он не воспринял эту мысль всерьез. – Что очередей нет, это, конечно, хорошо, но...

Он заговорил о сложностях реализации проекта, Алекс не вслушивался. Главное, он заронил идею в голову Вадима, а дальше уж видно будет. Может, в итоге он, а не кто-то другой первым ее внедрит, пусть и через десятилетие. Сам Алекс вообще не представлял, как может быть иначе.

– ... если пока ничего не надумал!

Оказывается, Вадим задал какой-то вопрос, а Алекс прослушал.

– Что, прости?

– Я говорю, нам помощь нужна в ремонте. Если хочешь,

если пока ничего не надумал, присоединяйся. За плату, само собой! А может, и надумаешь поработать, когда мы запустимся и будем набирать сотрудников. Ты отличный парень, так что... – Вадим улыбнулся. – Что скажешь?

Разумеется, Алекс согласился, и вот уже неделю работал с отцом и его партнером, Курочкиным, которого помнил весьма смутно: прекратив совместно вести дела, они с отцом встречались не так часто, а с годами и вовсе прекратили общение. Так что говорить с ним, как с незнакомым человеком, ему было проще, чем с Вадимом.

Ему выдали аванс, и Алекс купил себе нормальные кроссовки, кое-что из одежды, личных принадлежностей и сотовый телефон. Такие маломощные устаревшие модели прежде он видел только в старых фильмах, но разобраться особого труда не составило. Хотел отдать Вадиму за проживание, но тот замахал руками: брось, мол, ты что! Родственник же, да к тому же такое несчастье – ограбили!

– Из полиции нет новостей? – время от времени интересовался Вадим, и Алекс, скорчив расстроенную мину, пожимал плечами.

Что делать, как жить дальше, не имея удостоверения личности, он не знал, но надеялся, что со временем придумает что-нибудь.

Сейчас, лежа без сна, он думал, что нужно уже что-то решать, но вот что и каким образом?..

Можно было обосноваться, выправить как-то документы,

устроиться работать в фирму отца, снять жилье – зажить, припеваючи, как будто и не было никогда Пространственной Зоны, всех этих метаний и потерь. И Кайры...

Она там, одинокая, измученная, запертая в ловушке, – и рассчитывать ей не на кого. Алекс тосковал по ней, одновременно мучаясь от сознания того, что образ ее меркнет и тает, и сама она превращается в подобие кинозвезды минувших лет. Ему казалось, что его сердце – это единственное место, где она еще жива, и, налаживая жизнь здесь, он предает любимую женщину.

Чтобы начать жить здесь, следовало забыть Кайру.

Но забыть Кайру означало погубить свою любовь.

Он вздохнул и повернулся на бок.

– Не спится? – слышалось в темноте.

«Разбудил все-таки!»

– Да, что – то никак не засну.

– Пошли, покурим. У меня тоже ни в одном глазу.

Алекс не курил, и отец его в зрелом возрасте – тоже. А вот в молодости, как выяснилось, смолил, правда, не слишком увлекался.

Они устроились на балконе, накинув пледы на плечи. Вадим закурил, Алекс смотрел вдаль, на темный спящий город, кое-где присыпанный бисером огней. Было три часа ночи – смутное, нервное время. Не нужно принимать решений, не стоит анализировать свою жизнь. Вот только тянет, неодолимо тянет почему-то.

– У тебя девушка есть? Ну, или была? – спросил Вадим.

– Была. И есть, – ответил Алекс. В темноте легко было быть честным. – Кайра.

– Необычное имя.

– Она наполовину американка.

Помолчали. Вадим затаился и выпустил дым из ноздрей.

– Ты уже понял, наверное, что Лена не просто уехала. Она... сказала, что нам нужно пожить отдельно. Обдумать все и решить, как быть дальше. Ей казалось, что так правильно.

– А тебе?

– А меня не спрашивали. – Боль в его голосе звучала громко и отчетливо. – Лена не могла быть со мной рядом, так ей было тяжелее. Наверное, моя физиономия постоянно напоминала ей о... – Он щелчком выбросил сигарету и тут же прикурил новую. – Разве не лучше было бы попытаться все пережить вместе?

Алекс знал, о чем он говорит, но не спросить было нельзя.

– Что пережить? Что между вами произошло?

– У нас сынишка умер. Прямо в новогоднюю ночь. Сашенькой звали, Александром, как тебя. Годик должен был исполниться восьмого февраля.

Алекс знал, что скажет Вадим, но все равно ему показалось, будто его ударили.

– Как это случилось?

– Синдром внезапной младенческой смерти. Врачи прие-

хали, но спасать было уже некого. Так бывает, сказали они. Редко, но бывает. Почему с нами? Почему именно с Сашенькой?

Этот вопрос не требовал ответа. Ответа быть и не могло.

– С вечера все было хорошо. Как обычно. Мы его уложили, маленький стол на кухне накрыли. Гостей не было – только я да Лена. Часа в два пошли спать, она уставала очень – Саша спал неважно, да еще подработку взяла, фирме одной балансы сводить. Я против был, но она настояла. – Вадим помолчал немного. – Мы еще радовались и удивлялись: как хорошо и крепко он заснул! Салюты за окном гремят, соседи орут, а ему хоть бы хны. Только Сашенька уже не спал. В полночь все было в порядке, я слышал его дыхание, а потом...

Вадим закрыл лицо руками. Послышался сухой всхлип.

«Папа, вот же я, рядом! Неужели ты не узнаешь меня?» – хотел сказать Алекс, но вместо этого, еле сдерживая рвущиеся наружу эмоции, приглушенным, мертвым голосом проговорил:

– Мне так жаль. Мне очень, очень жаль, Вадим.

Глава четвертая. Тайное и явное

Через неделю после возвращения Алекс после работы сходил на кладбище. Вадиму сказал, что идет в полицию, насчет кражи, а отправился туда.

– Тебя подбросить?

– Нет, не беспокойся, доберусь.

Сам толком не понимал, зачем пошел. Наверное, нужно было удостовериться, что на том месте, которое было отведено для него в этом мире, образовалась дыра.

Где Вадим и Лена могли похоронить сына, он примерно представлял: возле могилы рано умерших родителей отца, которых Алекс никогда не видел, было свободное место. Папа иногда говорил: вот там, мол, меня и похороните. А мама хмурилась, потому что не выносила разговоров о смерти.

Алекс оказался прав. Могила Сашеньки Куцевского оказалась именно там, за черной чугунной оградкой, заваленная цветами, с деревянным крестом. Памятник в первый год, кажется, не ставят. Земля оседает.

Земля...

Алекс смотрел себе под ноги, на крошечный и потому особенно жуткий холмик, и не мог уместить в голове, что там, на двухметровой глубине, покоится в деревянном ящике тело младенца.

Он сам – внизу! Но как, как такое возможно? Это же па-

радокс! Две даты – рождение и смерть, и такой маленький между ними промежуток. Даже год не успел смениться.

Алекс долго стоял, смотрел на собственную могилу, и мысли, что вяло ворочались в голове, были такими неподъемно-тяжелыми, что ни одно он толком не мог додумать до конца.

Если существуют разные варианты развития события, то тот факт, что Алекс в одном из них застрял в Пространственной Зоне перечеркнул для всех его «двойников» возможность выжить? Значит, где-то там, в параллельных Вселенных, все Александры Кущевские так или иначе погибли?

Но ведь он вернулся! А, может, судьбу не обмануть – он все равно не выживет? «Один раз оказавшись в Зоне, ты остаешься там навсегда», – вспомнились чьи-то слова. Кто это сказал? Наверное, Кайра.

Получается, это неважно – вышел он из Зоны или нет, он все равно остался там, и в земной, нормальной жизни места ему не найдется?

Алекс почувствовал на щеке влагу и будто проснулся. Начал накрапывать мелкий дождик. Он поднял голову к небу. Ни единого просвета – все затянуто пеленой туч. Наверное, дождик скоро разойдется, превратится в настоящий ливень, а у него нет зонта. Алекс сунул руки в карманы и пошел прочь от могилы. Если бы точно так же можно было оставить за спиной все тягостные мысли!

Кладбище было за городом, добираться до дома пришлось

больше часа, так что, когда Алекс вышел на нужной остановке, уже стемнело. Вымокнуть под дождем он не успел – удалось вовремя заскочить в автобус, так что сильный ливень он наблюдал из окна. Но он продрог в тонкой ветровке, которую купил в магазине секонд-хэнд (на большее пока денег не хватило), хотелось есть и спать.

«Быстрее бы домой!» – думал он, как всякий уставший за день человек. Но, подходя к подъезду, вынужден был признать: дом-то ведь не его.

Того Сашеньки, который имел полное право жить здесь с отцом (и матерью) больше не существовало, он сам в этом убедился, увидев захоронение. Сколько еще он может злоупотреблять гостеприимством Вадима? Да и потом, жить с ним бок о бок вот так, в постоянной лжи, опасаясь не так что-то сказать или сделать, выдать себя, изворачиваясь и сознавая, что проник в дом, как грабитель, было невозможно.

А одному – в чужом времени, без родных, друзей, документов – разве будет лучше, легче?

«Но это хотя бы жизнь, а не бесконечная гонка по проекциям!» – возразил внутренний голос. Да, все так... Но там была – и осталась Кайра, единственный на всем свете человек, который любит его, который помнит, знает, понимает. Она – там, а он мечется здесь.

Домофон запиликал, дверь открылась. Лифт отключили, о чем возвещала табличка на двери. «Приносим извинения за неудобство», – винулись сотрудники жилищной конторы.

Интересно, когда его собираются включить? Алекс не помнил, чтобы лифты, горячая вода или электроэнергия вообще когда-либо отключались: обычно все неполадки чинились в считанные минуты. Но тут, видимо, было все иначе, потому что на двери подъезда висело объявление об отключении горячей воды в начале июня. На две недели.

Алекс побрел по лестнице, опираясь на перила, как старик. Невеселые мысли и дурное настроение давили к земле, пригибали книзу, не давая распрямиться во весть рост. Оказавшись возле знакомой двери, он надавил на звонок.

Дверь распахнулась тотчас же. Вадим как будто караулил возле порога. В противоположность Алексу, он сиял, как начищенный самовар.

– Чего так долго? Где тебя черти носят в такую погоду? Что там в полиции? – И, не успев Алекс ответить, добавил: – Заходи скорее, не стой.

Недоумевая, что могло так взбудоражить обычно уравновешенного Вадима, Алекс скинул кроссовки и пристроил ветровку на вешалку.

– Есть будешь? – И тут же, опять не дожидаясь: – Я тоже голодный. Сам тоже только что вернулся.

– А ты где был? – прокричал из ванной Алекс сквозь шум льющейся воды.

Вадим ответил что-то, но он не услышал. Когда зашел на кухню, Вадим открывал банку с тушенкой. От макарон в дуршлаге шел пар.

– Огурцы порежь с помидорами, – попросил Вадим.

– Так где ты был? Я не расслышал.

– Лена позвонила. Предложила встретиться. – В голос звенело ликование. – Представляешь?

– Отлично!

– Мы в кафе встретились, в центре. Я все боялся опоздать – пробки кругом. Но даже раньше пришел. – Вадим перемешивал тушёнку с макаронами. – Шел и трясся, как мальчишка на первое свидание. Честное слово, думал, она о разводе будет говорить. Подумала, решила... Нам тяжело было вместе в последнее время, мы все ссорились. Даже не нам, а ей было трудно со мной.

– Но она, я так понимаю, не разводиться хочет?

– Да! То есть, нет, не хочет она разводиться. Лена беременна! Десять недель уже! Она сама недавно узнала, сходила к врачу и... Понимаешь? У нас будет ребенок! – Последние слова Вадим почти прокричал.

Алекс от неожиданности полоснул ножом по пальцу.

– Вот именно! – снова выкрикнул Вадим, глядя в его ошеломленное лицо. – Я тоже так отреагировал. Это же наш второй шанс, понимаешь? Лена обещала вернуться ко мне. Мы о многом поговорили... По душам. Она тоже счастлива. Так легко стало.

Вадим говорил и говорил, сбивчиво, перескакивая с одного на другое, Алекс почти не слушал: главное было сказано. Значит, у него будет брат или сестра? Эта мысль захва-

тила его целиком, и теперь он был так же взбудоражен, как и Вадим.

А потом вдруг его как подбросило: придется съехать. Вадиму и Елене нужно отношения налаживать, а тут под ногами путается чужой человек. Да и потом, встретиться с мамой («Леной! Леной!») было страшно, трудно... Как не выдать себя? Как найти нужный тон с молодой женщиной, какой она является сейчас?

– Мне нужно найти, где жить, – сказал Алекс.

Вадим осекся – Алекс перебил его.

– Да нет, что ты! Я и не думал о таком! Не нужно никуда уходить, ты же...

В дверь позвонили. Два коротких звонка – именно так они все звонили: мама, папа, Алекс. Чтобы сразу ясно было, что за дверью – свои.

Вадим встрепнулся и побежал открывать.

Алекс замер, прислушиваясь. Хотя и без того знал, кто пришел.

– Лена? – счастливо выдохнул Вадим.

– Я решила не ждать до завтра, – проговорила она.

В ее голосе слышалась улыбка. Последовала пауза – видимо, они целовались. Потом была суeta: Вадим приглашал жену войти, забирал и ставил в комнату чемодан, помогал найти домашние тапочки. И во всем этом было солнечное, певучее, неприкрытое счастье, вызванное долгожданным примирением, воссоединением любящих друг друга людей, ко-

торые вынуждены были расстаться, и которым тяжело было находиться в разлуке.

Алекс, стоя в кухне возле стола, остро ощущал то, что он лишний, что ему не место в этом доме, куда снова заглянуло счастье. Ему казалось, что он присутствует при чем-то личном, не предназначенном для чужих глаз.

Наконец те двое вспомнили о нем.

– Леночка, я забыл предупредить тебя. Здесь Алекс. Он пока живет у меня, приехал из... Алекс, да иди же сюда! Сам расскажи!

Ему ничего не оставалось, как положить нож, который он все еще сжимал в руке, и выйти в комнату. Сердце колотилось в горле, колени подгибались.

«Мама, мамочка...»

– Привет. – Она улыбнулась чуть застенчиво, но с живым интересом, и протянула руку для приветствия. – Лена.

– Алекс, – хрипло выговорил он и откашлялся.

Мама («Лена, балбес, запомни уже!») была похожа на все свои фотографии в молодости. Отец мало фотографировался, а вот мама любила сниматься. Но никакие снимки не могли передать ее обаяния, света ее улыбки.

У Елены Куцевской были длинные выющиеся волосы, очень густые и блестящие. Выразительные глаза, длинные ресницы, маленький нос, высокие скулы... Алекс вспомнил, что мама, учась на втором курсе, выиграла студенческий конкурс красоты. Отец, вспоминая об этом, гордился боль-

ше, чем сама королева.

Даже в реальности Алекса, где практически все женщины были хороши собой благодаря умению пластических хирургов, мать выделялась своей красотой – и красота эта была натуральная. Она и с годами ничего в себе не меняла, не переставала, не улучшала.

– Вы мне напоминаете кого-то, – немного растерянно сказала Лена. – Такое лицо знакомое. Как будто я вас откуда-то знаю.

– Генетика, – пожал плечами Вадим. – Представляешь, у него чемодан на вокзале увели! Там все документы были, вещи. Наша доблестная полиция, ясное дело, жуликов найти не может.

Лена повздыхала и поохала, сколько положено, продолжая все так же внимательно вглядываться в лицо Алекса. Неужели что-то почувствовала? Правильно говорят, материнское сердце не обманешь.

– Вадик, ты почему про генетику-то сказал? – спросила она. – Я не поняла.

– Он на тебя немножко похож. То есть не прямо вот на тебя, – поправился он, – а на твою родню. Он же из Минска, я что, не сказал? Родственник твой по материнской линии.

– Правда? – Она снова улыбнулась. – Надо же. Я своих белорусских родственников плоховато знаю, почти никого и не видела, а если и видела, то в детстве.

– Вот и познакомились, – жизнерадостно сказал Вадим.

– А вы... Можно на «ты»?

– Конечно.

– Ты чей сын?

– Твоей троюродной сестры.

Улыбка Елены слегка поблекла.

– Что?

– Янины сын, – сказал Алекс. Имя тетки он знал, а про то, есть ли у нее дети, понятия не имел. И хотел верить, что мать этого и сама не знает. По крайней мере, она о них никогда не упоминала.

– Это невозможно, – проговорила Лена, пристально глядя на Алекса.

– А каком смысле? – спросил Вадим.

В комнате как будто стало холоднее.

– Яночка в восемнадцать лет перенесла операцию... Чуть не умерла. Ей матку удалили. У нее детей нет и быть не может.

Алекс онемел от такого поворота. Было это в том, прежнем варианте жизни или только здесь, в этом странном прошлом? Мысль пронеслась молнией, но, в сущности, значения это не имело. «И зачем я эту Янину приплел? Назвал бы выдуманное имя, кто бы стал разбираться»

Но теперь ведь не скажешь, что ошибся – это уж полный аут!

Родители стояли и смотрели на него – вместо доброжелательности на лицах застыли настороженность и опасение.

Вадим инстинктивно обнял Елену, желая защитить, она прижалась к нему плечом.

– Кто ты такой на самом деле? – спросил Вадим. – Зачем ты мне соврал?

Глава пятая. Письмо за океан

Вадим и Лена сидели на диване. Алекс, втайне завидуя этой сплоченности и ощущая себя неприкаянным, пристроился в кресле напротив. В том самом, где спал, поселившись в старой родительской квартире.

Почти час он рассказывал о своих приключениях в Пространственной Зоне – не все, только то, что, как считал, мог позволить себе рассказать, и, чем дольше говорил, тем сильнее вытягивались лица Вадима и Лены.

Они и верили, и не верили, и Алексу трудно было осуждать их. История звучала совершенно фантастически – особенно для людей, который понятия не имеют о Корпорации, Комнатах, Порталах и проекциях.

– погоди, давай-ка я своими словами... – Вадим потер переносицу, как всегда, когда нервничал. – То есть ты в 2040-м году попал в Пространственную Зону, куда люди могли ходить, как к себе домой, чтобы поразвлечься, застрял там, а потом выбрался и оказался здесь и сейчас. Так?

– Если вкратце, то да. Все верно.

– Почему ты пришел ко мне... к нам? Ты не сказал. Откуда узнал о Лениной сестре?

Это был самый сложный вопрос, и Алексу пришлось тщательно подбирать слова, думая, что сказать. Нужно, чтобы они поверили. Ложь должна быть похожа на правду.

– Я и правда сын Янины. Отца не знаю, мама одна меня растила. Когда я родился, мы жили в Минске, но почти сразу переехали. Сначала я пришел к маме. Но не нашел ни улицы, ни дома. – Алекс говорил коротко, стараясь, чтобы его слова невозможно было проверить.

– Ничего себе! – Лена прижала ладони к губам. – Где же ты прежде жил?

Ответ на этот вопрос был готов. В первый же день Алекс обратил внимание на длинный унылый ряд старинных зданий, что выстроились на одной из центральных улиц, возле речки, что протекала через южную часть города.

Несмотря на затейливую архитектуру, вид они имели неопрятный и жалкий: облупившиеся фасады, заколоченные досками окна, облезлые двери. Наверное, здания эти не представляли исторической ценности, вот никто и не занимался реставрацией, не старался придать им ухоженный вид.

Дома эти Алекс видел впервые: ему помнилось, что на этом месте расположен современный жилой комплекс, огромный торговый центр и аквапарк.

– На Старой Московской. Мы жили в большом доме, на восемнадцатом этаже. А тут...

– Знаю, знаю! – воскликнула Елена. – Старую Московскую собираются перестраивать! Помнишь, Вадик? Еще защитники старины на забастовку выходили! Я статью читала, там будут... – Она мельком посмотрела на Алекса, – новые элитные дома, супермаркеты и... Точно, аквапарк хоте-

ли строить!

«Господи, неужели попал? Повезло!»

– Значит, построили, – задумчиво проговорил Вадим.

– Красиво, кстати, получилось, – подхватил Алекс, желая закрепить успех. – Так вот, дома я не нашел. Никого из друзей или девушку свою искать смысла нет – в этом времени они все младенцы. Если вообще родились... Но мама и ты, Лена, близко общались, вот я и...

– Надо же. – Вадим и Лена поглядели друг на друга. – Я, честно сказать, мало знаю Яночку. Она так и живет в Белоруси...

Тут глаза Лены округлились еще больше, как будто ей неожиданно открылась какая-то истина.

– Ты, наверное, хочешь найти маму? Поехать к ней?

– Нет! – выпалил Алекс.

– Нет?

Алекс хотел было ответить, но Вадим сделал это за него.

– Конечно. Лена, ты подумай! Каково Алексу будет свалиться на голову Яне, которая ни сном, ни духом! А она? Ты сама говоришь, она бездетная, родить не может! Решит, что над ней жестоко издеваются.

– Ты прав, – рассеянно проговорила Елена, думая о чем-то своем.

– История, конечно, фантастическая. Ты извини, Алекс, но...

Алекс вскочил и бросился к шкафу, где лежал его рюкзак.

– Сейчас! – на ходу бросил он. – Я покажу.

Спустя пару минут все трое склонились над небольшим прибором, напоминающим закрытый ноутбук.

– Так это и есть проектор? – почти благоговейно проговорил Вадим. Алекс знал, как он любит всевозможные технические штучки.

Алекс провел пальцем по поверхности устройства. Оно послушно отреагировало: они увидели нежный неоновый голубовато-розовый свет. Как только проектор заработал, верхняя часть сделалась прозрачной – внутри что-то переливалось.

Вадим и Лена, не сговариваясь, восторженно ахнули – никогда прежде не видели ничего подобного. Алекс, довольный их реакцией и испытывающий глупую гордость, как будто это он изобрел проектор, с удовольствием демонстрировал чудеса техники.

– Тут и проекция осталась, видите? – Он указал на крошечную тоненькую перламутровую пластиночку, по-прежнему утопленную в специальном гнезде. – Правда, проекцию можно использовать только один раз. Повторно она не откроется.

Вадим пытался задавать вопросы о том, как работает проектор, но Алекс мало что мог ответить: он ведь был лишь пользователем.

– Неужели все это правда? – сказала Лена.

– Думаете, я вас обмануть пытался? – с некоторой обидой

проговорил Алекс. – Зачем это мне? Ограбить, что ли, собрался? Так уж ограбил бы. А хотел бы наврать, придумал бы что-то поправдоподобнее.

О том, как он нашел проекцию и выбрался, Алекс тоже рассказал приемлемую полуправду: поведал, что проекцию ему оставила его невеста Вета, которая не смирилась с его исчезновением.

– Перестань, не обижайся. Просто неожиданно все это, но мы верим.

Алекс выключил проектор и убрал его обратно в рюкзак, засунул в шкаф.

Они все немного помолчали. Алекс надеялся, что неудобные вопросы закончились. Кажется, обо всем рассказал, что мог. Но Елена тут же убедила его в обратном.

– А Кайра? Ты не сможешь вернуться к ней, но, наверное, сумеешь отыскать здесь, в нашем времени?

Слова ее буквально вогнали Алекса в ступор. Думая о Кайре, о том, как ему не хватает ее, о невозможности встретиться, о своем одиночестве, он совершенно упустил из виду возможность того, что ведь она-то живет сейчас, в этом мире! Алекс может связаться с ней, увидеть!

Кайре сейчас – сколько же? – меньше тридцати, они почти ровесники, и как раз сейчас, в эти годы, она и остальные ее коллеги открыли Нулевое измерение, разрабатывали возможность выхода в Пространственную Зону!

«А вдруг это тоже изменилось, и ничего такого не проис-

ходит?»

Алекс не знал, но должен был узнать.

– Я не подумал, – прошептал он. – Вот я болван!

– Ты можешь найти ее, – сказала Лена.

– Если она занята разработками, ты можешь помочь. Принять участие! – Вадим вскочил с места. – Мы можем все это проверить!

– Как? Что проверить? – не понял Алекс.

Он все еще плохо соображал из-за открывшихся ему возможностей.

– Ведутся ли исследования или нет, разумеется, – пояснил Вадим. – В Интернете можно найти все, что угодно. Поищем тот университет, где она работает, найдем списки сотрудников. Это не так уж сложно.

– Не так уж сложно, – эхом откликнулся Алекс.

Вадим включил компьютер, стоящий в углу комнаты. Пока он загружался, Лена подошла к Алексу, взяла его за руку.

– Любишь Кайру? Наверное, скучаешь ужасно? – Взгляд ее светился сочувствием.

«По тебе и по папе я тоже скучал... и скучаю до сих пор. Вы рядом, но я не могу сказать об этом. Не могу сказать, как люблю вас».

Алекс коротко кивнул вместо ответа, боясь, что голос его подведет. Лена сочувственно улыбнулась, как бы говоря, что все непременно наладится.

В компьютерах, как и в любой другой технике, Вадим раз-

бирался отлично. Честно говоря, куда лучше самого Алекса – так было всегда. У отца был светлый аналитический ум, он умел принимать нестандартные решения и делать правильные прогнозы. Кроме того, у него еще и руки были золотые: он мог что угодно починить, в чем угодно разобраться.

Алекс даже не вмешивался: знал, что, если найти вообще что-то можно, то Вадим найдет. Просто сказал, как называется научно-исследовательский центр и где он располагается, и вместе с Леной стал ждать результата.

Поколдовав над клавиатурой, спустя некоторое время Вадим вскинул ладони кверху и проговорил:

– Аллилуйя!

– Нашел? – Оба бросились к нему.

– А как же. Вот он, родимый.

На экране появился официальный сайт Университета. Замелькали названия институтов и научно-исследовательских центров. Нужный нашелся быстро, а вслед за ним – и лаборатория, которую возглавлял доктор Саймон Тайлер.

– Об исследованиях тут почти ничего не сказано. Так, общие слова.

– А сотрудники? – с замирающим сердцем спросил Алекс.

– Сейчас, сейчас.

Вадим открывал одну вкладку за другой, пока не нашел нужную. С экрана на них смотрели знакомые Алексу с детства лица. Теана Ковачевич, Майкл Петерсон, Джон Свенсон и Кайра Буковски – знаменитая четверка гениев, подарив-

ших человечеству возможность выхода в Пространственную Зону.

Алекс так и не смог до конца понять, что это было – благословение или проклятие? И все же больше склонялся ко второму.

Он неотрывно смотрел на Кайру. Он знал ее другой, не такой улыбчивой и юной. Не такой беззаботной и уверенной в правильности своих действий. Но все же это была она, его любимая.

– Красивая, – искренне сказала Лена. – Улыбка такая солнечная.

– Да, – еле выдавил Алекс, приклеившись взглядом к экрану, вглядываясь в каждую черточку милого лица.

Вадим и Елена переглянулись за его спиной – он этого не заметил. А если бы заметил, то понял, что вот теперь-то все их подозрения рассеялись окончательно. Такую боль, такое потерянное, несчастное и вместе с тем любящее, трепетное выражение лица не сыграешь.

Усилием воли Алекс заставил себя закрыть страницу. Хватит душу рвать.

– Что будем делать? – спросил Вадим, и от этого «будем» на сердце потеплело. Как будто они трое снова были в одной лодке. Снова были семьей.

– Может, взять и написать письмо? – предложила Лена.

– Только не Кайре! – быстро проговорил Алекс. – Это будет... двусмысленно. А если начну для достоверности при-

водить какие-то личные подробности, это ее напугает.

– Никто не говорит, что нужно писать Кайре. Лучше на адрес центра. Или Университета.

– Тут есть контакты, – сказал Вадим, снова поворачиваясь к компьютеру и принимаясь щелкать мышкой. – Но все же не очень хорошо, если секретарша какая-нибудь... А, нет! Смотрите, вот личная почта доктора Тайлера. Туда и надо писать!

– Только *что* писать?

– Хороший вопрос. Слишком много напишешь, не станет читать. А в двух словах не объяснишь.

– Ты знаешь английский? – спросила Алекса Лена.

– Да, мы все учили обязательно. Не на самом высшем уровне, но говорю, пишу, понимаю, читаю.

– Садись, пиши, – Вадим встал со своего места. – Я учу, на курсы даже записался. Но пока уровень школьно-институтский.

«Не переживай. Выучишь», – подумал Алекс, на памяти которого отец хорошо знал язык.

После долгих попыток составить внятный, лаконичный текст, который должен был заинтересовать доктора Саймона Тайлера и дать ему понять, что автор – не псих, не хулиган и не один сетевых придурков, которым нечем заняться и которые развлекаются, доставая других, они остановились на таком варианте:

«Добрый день, доктор Тайлер.

Меня зовут Алекс (в этом месте Алекс едва не написал свою фамилию, но вовремя опомнился). Я нахожусь в России.

Если не ошибаюсь, Вы с коллегами работаете сейчас над возможностью выхода в Нулевое измерение и находитесь на пороге важнейшего глобального открытия. Пришли Вы к этому в ходе изучения волновых процессов, в частности – особенностей волнового переноса материи, а не только энергии.

Доктор Тайлер, поверьте, это не попытка шантажа! Я думаю, что мы с Вами можем быть полезны друг другу. Пожалуйста, свяжитесь со мной по этому электронному адресу.

Надеюсь, Вы поймете, что открыто писать обо всем я не могу, поэтому письмо мое получилось размытым, расплывчатым по содержанию. Однако, уверяю Вас, я обладаю полезной информацией о предмете Ваших исследований и охотно поделюсь ею с Вами...»

Дальше шли положенные чопорные уверения в уважении и вежливые слова прощания.

– Не знаю, что из этого выйдет, – с сомнением протянул Алекс, нажимая на значок отправки.

Письмо улетело в неизвестность.

– Пятьдесят на пятьдесят, – философски заметил Вадим. – Может, он воспримет все как розыгрыш. Но может и свяжется с тобой. Подождем. Если не ответит, поищем еще

какой-то способ выйти на него.

Но искать способов не пришлось. Выключив компьютер, все отправились ужинать, потому что так и не поели со всеми этими разговорами. А потом стали устраиваться на ночь – была уже почти полночь.

В третьем часу ночи, когда все уже мирно спали: Вадим с Леной на диване, Алекс – в раскладном кресле (несмотря на уверения супругов, мучаясь от сознания, что ужасно им мешает: люди только-только помирились, им хочется наедине остаться, а тут он!), на указанный электронный адрес пришло сообщение от Саймона Тайлера.

Глава шестая.

Американский гражданин

Вадим проверил почту только в обед.

С утра ничего не успели, даже кофе не выпили, потому что проспали. Бестолково суетились, собираясь на работу, натываясь друг на друга то в кухне, то в ванной.

Первым привел себя в порядок и убежал вниз заводить машину Вадим. Обычно они с Алексом ездили на работу вместе, а сегодня нужно было успеть еще и Елену отвезти, так что он нервничал и торопился.

Алекс был в ванной, пытаясь причесать непослушные вихры, которые топорщились на макушке. Лена легонько стукнула в дверь:

– Алекс, ты скоро?

И он, машинально, сам того не заметив, отозвался:

– Иду, мам, сейчас!

Елена вздрогнула, нахмурилась удивленно, меж бровей пролегла тонкая морщинка. Это «мам» болезненно отозвалось в сердце, но она поспешила прогнать непрощенные мысли. Алекс просто оговорился. С кем не бывает.

– Посмотри, что он пишет, – отозвав Алекса в сторонку, сказал Вадим.

– И что же?

– Дает тебе номер. Просит позвонить.

Вадим протянул Алексу телефон, показывая сообщение. Тот оторопел: сам не ожидал такого скорого эффекта.

– Написано, что звонок за его счет.

– И звонить можно в любое время. Пробрало его, видно. Заинтересовало.

Алекс достал телефон и набрал нужный номер.

– Выйду, позвоню. – Он виновато посмотрел на Вадима, который выжидательно глядел на него. – Мне сосредоточиться нужно.

– Конечно, само собой, – заторопился тот. – Иди вон в скверик, там тихо.

Алекс так и сделал. Нашел лавочку подальше от входа, уселся на нее и, убедившись, что поблизости никого нет, нажал на вызов.

– Да, – ответ прозвучал через считанные секунды. Видимо, доктор держал телефон при себе. Слышно было отлично, как будто собеседник стоял в двух шагах.

– Меня зовут Алекс, – проговорил он после приветствия. – Это я писал вам. Вы дали этот телефон.

Он говорил короткими рублеными фразами, постепенно вспоминая речевые обороты.

– Добрый день. Вы говорите по-английски. Это хорошо, – сказал доктор Тайлер. Голос у него был приятный, но в нем звучало напряжение, которое невозможно было скрыть.

Алекс промолчал.

– Откуда вам известно о Нулевом измерении? Только я

его так называю, и то про себя, это мое личное определение.

– Я там был. Недавно вернулся откуда.

– Что? – ясно было, что доктор Тайлер потрясен. – Это совершенно невозможно. Мы только начали наши исследования. Ни один человек еще не был в...

– Вы же ученый. Должны уметь мыслить широко. Я родился в 2019-м году, попал в Пространственную Зону 31 декабря 2039-го. В новогоднюю ночь. Не смог сразу выйти оттуда, а когда попал в реальность, оказался в 2020-м.

– Вот так вот запросто? – снова усомнился доктор. – Зашли – вышли?

– В мое время попасть в Зону было не сложнее, чем сходить в кино. Это общедоступно, школьники изучают географию, путешествуя с учителем по проекциям. Нужно лишь купить доступ в Комнату, заказать нужную проекцию в какой угодно точке мира – и все. Наслаждайтесь. Главное, вовремя покинуть Зону, до того, как закроется Портал.

Даже по телефону слышно было, как обескуражен доктор Тайлер. Его голос буквально вибрировал от волнения.

– И у вас есть какие-то... подтверждения?

– Есть. У меня есть проектор и проекция. Есть записи. Но все самое главное – в моей голове. Я могу рассказать вам, что находится в Пространственной Зоне. Ни в мое время, ни, тем более, в ваше, никто, ни один человек не покидал Нулевое измерение после закрытия Портала. Бедолаги, которым не повезло, оставались там навсегда. Правда, многие делали это

по собственному желанию. Но суть в том, что рассказать о том, что там происходит, никто не сможет. Кроме меня.

– Послушайте, Алекс... – Доктор Тайлер говорил почти умоляюще. – Мне трудно вот так, сразу, принять все то, что вы сейчас сказали. Я и подумать не мог о таком. Вы сможете прислать мне хоть какое-то подтверждение?

– Того, что я сказал, недостаточно? Разве такое выдумаешь?

– Нет, но... – Кажется, ученый решился на что-то. – Я вам верю. Вы можете приехать ко мне, в США? В наш исследовательский...

– Не могу, – перебил Алекс. – Из Пространственной Зоны я вышел без документов. Мою личность здесь, в этом времени, установить невозможно. Я никто и ниоткуда. Мне помогают друзья, но скоро придется решать что-то, обратиться за поддержкой к властям. Думаю, их заинтересует то, что я смогу рассказать. Это ведь научный прорыв, понимаете? А как на этом можно заработать! Уж я-то знаю. Видел своими глазами.

В действительности Алекс понятия не имел, куда ему стоит обратиться, и стоит ли. Скорее всего, его просто не станут слушать. Или упекут в психушку, где много таких фантазеров – и Наполеоны есть, и Дарты Вейдеры.

Конечно, пришлось блефовать. Алекс рисковал, чтобы вынудить Саймона Тайлера помочь ему, дать возможность увидаться с Кайрой. Он нарочно нажимал на больные точ-

ки – знал, что доктору Тайлеру невыносима сама мысль о том, что кто-то опередит его, обнародует открытие раньше него самого.

Доктор, само собой, мог в любой момент возмутиться наглостью непонятно откуда взявшегося зарвавшегося типа и бросить трубку. Но Алекс надеялся, что Тайлер этого не сделает. И оказался прав.

– Не нужно принимать поспешных решений, – быстро проговорил доктор Тайлер. – Я подумаю, как помочь вам приехать в Штаты.

– Думайте побыстрее, пожалуйста. Я подожду два дня – дольше не смогу.

На том и попрощались.

«Не слишком ли я резко с ним? – подумал Алекс. – Он мой же единственный шанс увидеть Кайру».

И придать своей жизни хоть какой-то смысл, если уж быть честным.

Доктор Саймон позвонил уже на следующий день. Вернее, поздно вечером – Алекс уже собирался лечь спать.

Он все так же жил у Вадима и Елены, по-прежнему ощущая себя лишним. Хотел оставаться ночевать на работе: ремонт в офисе заканчивался, вполне можно было устроиться где-нибудь в углу, но Вадим с Еленой и слушать ни о чем таком не желали. И, втайне, ругая себя за эгоизм, Алекс был рад: пусть эти отзывчивые, добрые люди не подозревали, кто он такой, но сам-то Алекс знал, что они его родители, и ему

было спокойнее, когда они рядом.

– Вы должны отправить мне вашу фотографию. Завтра же, – сказал доктор Тайлер. – Я договорился, чтобы вам сделали новые документы. Как гражданину Соединенных Штатов. В четверг придете в визовый центр вашего города, заберете. Я закажу электронный билет на самолет, отправлю по почте. Вылетаете в субботу. Вам все понятно?

У Алекса голова пошла кругом. Неужели получилось? Все заветрелось так быстро, что он не мог поверить в происходящее.

Кое-как выдавив, что ему все ясно, он повесил трубку. Вадим и Лена смотрели на него, пытаясь угадать, о чем был разговор.

– Все хорошо? – спросила она.

Алекс рухнул в кресло, как подрубленный.

– Кажется, да. Мне сделают документы и купят билет. В субботу я лечу в Штаты.

– Значит, он поверил! – Вадим ударил кулаком по колену. – Сработало!

– Это же хорошо, да? Ты рад? – Лена испытующе смотрела на Алекса.

– Конечно! – с показной уверенностью, которой в самом деле не чувствовал, ответил он.

Так, значит, он уедет из России? Оставит мать, отца... Снова переезд, снова перемены. Алекс поймал себя на мысли, что очень устал от бесконечной борьбы, вопросов,

неуверенности, неполадок и странностей, что наполняли его жизнь. Что его ждет в США? Снова нужно будет объяснять, доказывать, рисковать, обжигаться...

– Все будет хорошо, – мягко проговорила она. – А если не сложится, ты же всегда можешь вернуться. Правда, Вадик?

– Разумеется! Поработаем вместе. И жить тебе есть где. А уж гражданину США и вовсе тут все будут рады. Знаешь же, как в России благоговеют перед иностранцами! – Вадим улыбнулся. – Но я уверен, что все будет отлично. Мы о тебе еще услышим!

Алекс смотрел на них, верящих ему, поддерживающих, даже не зная, кто он такой, и почувствовал, что задыхается от нахлынувших на него чувств. Ему хотелось сказать им правду, так хотелось, но... Это было бы нечестно.

Некоторые вещи нужно переживать в одиночку. Зачем взваливать на них еще и этот груз? Им сейчас и так нелегко, к чему лишние волнения. Тем более, Лена беременна. Она родит сына или дочь, жизнь наладится. Со временем они забудут о странном парне, что жил у них в доме.

– Спасибо, ребята, – проговорил он. – Давайте спать. Поздно уже.

На следующий день Алекс сфотографировался, как и было велено, отправил снимок доктору Тайлеру. В четверг сходил по нужному адресу и забрал плотный конверт, в котором лежали все необходимые документы.

Alex Kushewsky – так его теперь звали. Вадиму и Елене

сказал, что решил взять их фамилию, потому что она звучала более подходяще (фамилия Янины была Пилипчук). Они не возражали.

Вадим выплатил Алексу заработанные деньги, причем в долларах. Кажется, было больше, чем нужно, но Вадим клялся, что все тютелька в тютельку.

В пятницу Алекс уже не пошел на работу. Оставшись один, собрал свои нехитрые пожитки, уложил все в рюкзак. Подумал, что стоит докупить кое-чего, но потом решил, что обойдется тем, что есть. Лучше сохранить деньги, мало ли, как все сложится.

Он побродил по пустой квартире, впитывая запахи, запоминая все подробности. Алекс хотел забрать все это собой, в своем сердце. По опыту знал, что дорогие воспоминания иногда способны помочь выжить.

Время было обеденное, но есть не хотелось. Вместо этого Алекс решил прогуляться по городу. Сходить на набережную и к Университету, пройти по старому центру, прокатиться на метро, заглянуть в места, где прежде любил бывать.

Однако прогулка не доставила ему особой радости. Слишком многое выглядело не так, как он привык. Должно быть, поэтому он снова ощущал себя не в своей тарелке. Он снова был чужаком. Непрошенным гостем.

«Найдется ли на свете место, где я сойду за своего? Где мне будет уютно? Которое я назову домом?»

На душе было паршиво, и ему не хотелось в таком настроении показываться на глаза Вадиму и Елене. Алекс пошел в парк недалеко от дома, купил пива и лениво потягивал его, сидя на скамейке.

В какой-то момент он задремал и очнулся от громкого окрика:

– Ваши документы, молодой человек.

Алекс открыл глаза и непонимающе уставился на выросшего перед ним полицейского. Откуда он тут взялся?

– Распивать спиртные напитки в общественном месте запрещено, – строго проговорил страж порядка.

К счастью, в кармане Алекса лежал его новенький паспорт.

– Здравствуйте! – сказал он, вскакивая с лавки, и застрекотал по-английски. – Я плохо понимаю русский. Простите, если я что-то нарушил, вот мои документы. Я американский гражданин.

Лицо полицейского немедленно расплылось в улыбке. Он, почти не глядя, повертел в руках паспорт и вернул Алексу. На лице отразилось мучительные попытки вспомнить что-то подходящее из школьных уроков иностранного языка.

– Хэллоу. Все окей, – выдал он наконец. – Гуд дэй!

«Хорошо, хоть не поведал о том, что «Лондон – из э кэпитал офф Грейт Британ».

Расставшись с полицейским, Алекс решил больше не рассиживаться в парке и отправился домой. Было уже пять ча-

сов вечера. Скоро вернется Лена, а часам к семи придет Вадим.

Однако, открыв дверь запасным ключом, который выдал ему Вадим, Алекс обнаружил, что Лена уже дома. Она вышла ему навстречу.

– Привет, – улыбнулся Алекс и тут же, по ее побелевшему лицу, понял: что-то случилось. – Лена...

– Я чувствовала... что-то такое. Смотрела на тебя и понимала, что нас связывает.... – Голос ее сорвался. – Только никак не могла понять, что именно, что ты скрываешь. Знала, что ты не всю правду нам сказал. Так, значит, ты – наш сын?

Глава седьмая. Временные парадоксы

На Алекса будто ведро ледяной воды вылили. Или ударили со всего маха.

Скрывал, скрывал – и вот, пожалуйста.

– Откуда ты... – Алекс хотел спросить, как она узнала, но тут же догадался: – Письмо, да?

Лена прижала руки к груди и сказала:

– Извини. Не сердись на меня, пожалуйста. Оно лежало в боковом кармашке. Я один раз увидела случайно, как ты что-то прячешь туда и подумала... Не имею привычки рыться в чужих вещах, но мне нужно было знать. Что-то тревожило меня, не давало покоя... А потом ты на днях неожиданно сказал: «Иду, мам, сейчас!», когда был в ванной, и сам не заметил. Наверное, тогда я и догадалась обо всем, только не разрешала себе поверить. Все думала, думала, нужно ли пытаться докопаться до истины, но потом поняла, что если ты уедешь, а я так ничего и не узнаю, то никогда себе этого не прощу.

У Алекса все внутри дрожало от напряжения, должно быть, поэтому его слова прозвучали резко и отрывисто:

– Теперь ты знаешь.

Он встретил ее взгляд и отвел глаза.

– Да. – Елена вздохнула и сделала шаг ему навстречу. – Знаю. Господи, бедный мой, как же тебе трудно живется со

всем этим! Я читала в том письме о себе, о своей жизни, смерти и старости... Это было так страшно и в то же время нереально! То, как она... та, другая Елена поступила... Знаю: я сделала бы точно так же. Не приняла бы, что ничего нельзя сделать, изменить. Все равно не смирилась бы, пыталась вытащить своего ребенка из ловушки. Конечно, так сложно все это уложить в голове, понять: мы сейчас с тобой почти ровесники, но при этом ты мой сын! Сын. – Она словно пробовала слово на вкус. – Но неужели ты так и уехал бы, не сказав нам с Вадиком? Это ведь жестоко.

Жестоко? Алекс и не представлял, что его желание убедить родителей от правды можно расценить таким образом.

– Угу. Уехал бы. Мне казалось, так лучше. Правильнее. Я думал, вам тяжело будет с этим жить. Мне очень хотелось рассказать правду, но я не знал, как вы воспримете. – Он порывисто обнял Лену, прижал к себе, чувствуя, как бьется ее сердце. – Спасибо. Это ведь ты спасла меня, вытащила... твоя идея заказывать Комнаты, оставлять там проекции, твоя вера! Ты и Вета сделали для меня такое.... – Трудно было найти подходящие слова. – Я потерял надежду. Когда наткнулся на проекцию своей комнаты, то решил: это конец.

Лена чуть отстранилась от Алекса и посмотрела ему в лицо, словно стараясь впитать каждое его слово.

– Там было все в точности так, как в день моего ухода. Я сел на диван и подумал, что никуда отсюда не уйду. Ни

за что. Не сумею, духу не хватит. Пусть это был не дом, а только его имитация, декорация, но мне хватило и ее, чтобы ощутить покой. У меня больше не было сил бегать по проекциям. Есть безвкусную еду, бояться, встречать Обитателей. Это потеряло всякий смысл: Кайру я найти не мог, выбраться наружу – тоже. Поэтому решил, что тут и умру. Уж лучше в том месте, которое я знаю и люблю. Подумал, что просто лягу, закрою глаза и буду ждать конца. А потом обнаружил письмо. Ты не представляешь, что я чувствовал, когда читал. Это был мой шанс выйти! Но вернуться в мир, где все мертвы... – Он сжал челюсти. – Где мой отец умер от горя, пытаюсь отыскать меня. Где больше нет мамы.

Горло перехватило.

– Но ты все же вышел, Алекс.

– Я до сих пор не понимаю, как все это работает – эти пересечения реальностей, временные парадоксы. Кайра, наверное, поняла бы и знала, как объяснить.

– Возможно, она и объяснит. – Она подняла руку и бережно коснулась его щеки. Провела пальцем по лбу и бровям. – Ты так похож на меня! Но одновременно и на Вадима. Вроде и другие черты, а общее сходство поразительное. Как мы с ним сразу не догадались?

– Потому что такую возможность не держишь в голове. – Алекс помолчал. – Потому что это противоестественно. Я видел свою могилу. Это было самое странное, что только можно увидеть.

Она качнула головой – да.

– Не жалеешь, что узнала?

– Нисколько. Наоборот, мне легче. Разве ты не понимаешь? Теперь я знаю, что мой мальчик не умер.

В глазах матери заблестели слезы. Алекс прижался щекой к ее руке.

– Ты ведь понимаешь, что здесь твой дом? Ты можешь никуда не уезжать. Тебе не нужно этого делать! Послушай... Мы что-нибудь придумаем с документами и... вообще со всем. Это такая мелочь, по сравнению с тем, что ты жив, Сашенька! Что ты ешь у меня.

Он вдруг подумал, что она права. Ведь и в самом деле можно остаться, раз все так хорошо складывается. Мама не испугалась, не оттолкнула его – отец, скорее всего, тоже не сделает этого. Может, тоже обрадуется.

Все может получиться!

Можно попробовать начать новую жизнь – найти новых друзей, дело по душе, работать с отцом, развивать его бизнес, учиться в Университете, если захочется. К тому же у него скоро появится брат или сестра. Это ли не чудо?

Но Кайра... Та, что осталась в Пространственной Зоне и та, которая не подозревала о его существовании. И сама Зона. Она тоже не отпускала Алекса. Он был прав, говоря, что является единственным человеком на свете, который знает о ней так много. Не будет ли малодушием постараться выбросить ее из головы, остаться в стороне?

А возможно – это только что пришло Алексу в голову! – его миссия в том, чтобы убедить исследователей не открывать людям Нулевое измерение.

– Я не могу, – ответил он. – Прости. Я должен поехать. Пойми меня, пожалуйста. А потом видно будет.

Она снова обняла его, будто не желая отпускать.

– Ты должен знать, что мы с Вадиком всегда ждем тебя. Каждую минуту. Ты сможешь вернуться в любое время, Алекс. Ты обещаешь мне?

– Обещаю... мама.

Когда Алекс сел в самолет, он снова вспомнил этот момент. Такое простое слово – «мама», и так невероятно ценна и дорога возможность произнести его вслух и услышать в ответ, как тебя называют сыном или дочерью.

Он не знал, что ждет его дальше. Алекс даже не был уверен в том, что увидит родителей еще раз. Но то, что они были на свете, что ждали его, что им можно было позвонить и услышать их голоса, наполняло душу светом.

– Смотрю на тебя и горжусь, – сказал отец, когда они, все трое, прощались в аэропорту. – Прекрасно понимаю, почему ты решил промолчать, и сам, наверное, сделал бы так же. Ты хороший человек.

– Это же ты меня вырастил, – Алекс слегка улыбнулся.

– Мы с Леной только нашли тебя... снова нашли, а уже нужно расставаться. Ты уверен? Точно уверен?

Алекс промолчал, глядя ему в глаза. Он и сам не знал, уве-

рен ли, и вместе с тем чувствовал, что поступает правильно.

– Если ты так решил... Я поддерживаю твоё решение.

Они все трое стояли, обнявшись, и люди, должно быть, принимали их за братьев и сестру. Мама изо всех сил старалась не плакать.

– Ты всегда таким был. Вы оба. Поддерживали, понимали. Вы лучшие родители. Моему брату или сестре повезет с вами.

– Когда он или она родится, ты ведь вернёшься? Приедешь?

Алекс пообещал. Понимая при этом, что, вполне возможно, солгал.

Кто знает, чем обернется эта поездка?

Чего ждать от авантюрного путешествия по фальшивым документам? На краткий миг ему захотелось вскочить с места, броситься к выходу, сойти с самолета. Остаться там, где ему были рады. Но он преодолел этот порыв, подавил его.

От родителей мысли плавно перетекли к Кайре. Как пройдет их встреча? Прошлой ночью он видел ее во сне. Точнее, в ночном кошмаре.

Алекс снова очутился в огромном зеркальном лабиринте, где они уже бывали с Кайрой. Сверкающие зеркальные коридоры уводили все дальше, запутывали, бесконечные отражения собственного растерянного, перепуганного лица мешали сориентироваться, успокоиться, понять, куда идти дальше. Алекс метался, забывая, откуда пришел, понятия не имея, в

какой стороне искать выход.

Потом он услышал женский крик. Тоскливый, полный боли. Голос Кайры звал его! Далекий, слабый, почти призрачный. Откуда он доносился, разобрать было невозможно. Где она? Что с ней? Алекс побежал – бежал со всех ног и в отчаянии звал Кайру, но не мог понять, что она отвечает ему и отвечает ли.

Потом свет вдруг погас. Алекс остановился, тяжело дыша. Он таращил глаза в темноту, но мгла была непроглядной. Не было ни единого шанса увидеть перед собой хоть что-то. Голос Кайры тоже потух, растаял во мраке.

Алекс стоял и ждал, сам не зная, чего. Внезапно погаснув, свет также неожиданно и вспыхнул. Алекс щурился, стараясь дать глазам привыкнуть. Огляделся вокруг и оторопел.

Он больше не отражался в зеркалах. Вместо него всюду была Кайра, такая, какой он увидел ее в первый раз: с косынкой на темных волосах, с рюкзаком за спиной. Большие серо-зеленые миндалевидные глаза, тонкий нос с небольшой горбинкой, высокие скулы – сотни, тысячи ее лиц смотрели на Алекса со всех сторон.

Растерянный, изумленный, он двинулся с места, пошел вперед. Многочисленные образы Кайры будто бы последовали за ним.

– Забери меня, – прозвучал знакомый нежный голос. – Алекс, найди меня.

Он знал, то должен отыскать ее, настоящую, среди сотен

зеркальных двойников, и что у него нет права на ошибку. Если он промахнется, укажет неправильно, выберет не то отражение, Кайра исчезнет навсегда. Алекс больше не увидит ее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.